

ГЕРМАНИЯ И СССР 1933–1939: ОТ ПРОГРАММНОЙ УСТАНОВКИ ДО ТАКТИЧЕСКОЙ УЛОВКИ

© 2019 г. С.З. Случ

*Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
sergejslutsch@gmail.com*

В статье рассматриваются германо-советские отношения от прихода Гитлера к власти до заключения пакта Молотова–Риббентропа; их противоречивые тенденции: стремление советского руководства к сохранению и расширению сотрудничества с Германией, с одной стороны, и ставка нацистского руководства вплоть до середины лета 1939 г. на минимизацию отношений – с другой; а также особое место торгово-экономических отношений, входивших в противоречие с политическими целеустановками.

The article considers the German-Soviet relations from Hitler's rise to power till signing of the Molotov–Ribbentrop Pact, their contradictory tendencies: aspirations of the Soviet leadership of preserving and broadening of cooperation with Germany, on the one hand, and Nazi leadership's policy, up to the summer of 1939, of minimising contacts, on the other. It also explores trade and commercial relations, which were conflicting with the political goals.

Ключевые слова: СССР в программе и политике Гитлера; советские дипломаты, Сталин и отношения с Германией; миссия Д. Канделаки; М. Литвинов, В. Молотов, Я. Шахт, И. Риббентроп.

Keywords: USSR in the programme and policy of Hitler, Soviet diplomats, Stalin and relations with Germany, D. Kandelaki's mission, M. Litvinov, V. Molotov, N. Schacht, J. Ribbentrop

DOI: 10.31857/S0869544X0006144-1

Несмотря на всю значимость советско-германских отношений в период, предшествовавший началу Второй мировой войны, для понимания внешней политики обоих государств, не говоря уже об их влиянии на общую расстановку и баланс сил на международной арене в 1939 г., отношения эти до сих пор изучены недостаточно. Причина подобного положения – по-прежнему сохраняющиеся в России ограничения в доступе к документам, практика анализа двусторонних отношений, как правило, только через призму их политико-дипломатического аспекта, трактовка внешней политики государства без учета характера его политического режима, а также нарастающая политизация исторических работ. Осуществляемый в последние годы совместный российско-германский проект «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов» [1] позволяет расширить представления

историков о сложных хитросплетениях двусторонних отношений во всем их многообразии. В данной статье отражены некоторые результаты этой работы.

1933 год стал переломным в развитии германо-советских отношений, что объяснялось исключительно внутривосточными переменами в Германии. Тактика Гитлера в отношении СССР, не говоря уже о стратегии, представляла собой полный разрыв с политикой Веймарской республики. Спустя несколько дней после прихода к власти, 3 февраля 1933 г., Гитлер выступил с программной речью перед узким кругом генералов Рейхсвера, посвященной основополагающим целям правительства. Он заявил, что важнейшая цель его внешней политики, к реализации которой возможно будет перейти после создания соответствующих внутривосточных предпосылок через шесть-восемь лет, — это «расширение жизненного пространства немецкого народа», которая «будет также достигнута вооруженной рукой. Этой целью будет, вероятно, Восток. Однако германизация населения аннексированной или завоеванной страны невозможна. Можно германизировать только территорию» [1. Bd. 1. Dok. 8. S. 147–148]. Хотя, в отличие от внутривосточных, внешнеполитические цели оратора были сформулированы не очень четко, они являлись не чем иным, как беспрецедентным по своей откровенности не только целеполаганием будущей политики третьего рейха, но и методов ее осуществления. Отражая замыслы нового рейхсканцлера, эти внешнеполитические ориентиры, независимо от их возможного восприятия присутствовавшими как, скорее, агитационно-пропагандистского заявления, тем не менее не могли не стать своего рода отправной точкой тех кардинальных перемен, которые должны были претерпеть германо-советские отношения уже в самое ближайшее время.

Захват власти в Германии Национал-социалистической партией начался сразу же после назначения Гитлера рейхсканцлером. Он сопровождался вакханалией террора, бесчинств и репрессиями в отношении всех политических противников нацистов, особенно тех, кто занимал левый фланг политической арены. Под ударом оказались и находившиеся в Германии советские учреждения и организации, ставшие объектом дискриминации, бойкота, обысков и даже погромов, что серьезно нарушало их деятельность. Немалое число советских граждан при этом подвергались издевательствам, насилию, обыскам и арестам [1. Bd. 1. Dok. 324. S. 901–906]. Независимо от того, отдавались ли кем-то персонально из нацистской верхушки указания на этот счет или нет, общая антикоммунистическая истерия в Германии, особенно усилившаяся после поджога Рейхстага, организованного, как утверждала нацистская пропаганда, «по поручению русских и германских партийных инстанций» [1. Bd. 1. Dok. 14, 15, 18], несомненно, способствовала подобным эксцессам.

Какова была официальная реакция в СССР на происходившее в Германии в целом и на проблемы, с которыми столкнулись советские представительства, организации и отдельные граждане, в частности? Выделю несколько этапов. В руководстве Наркоминдела поначалу делали ставку на сотрудничество с правительством Гитлера. Причем это явствует не только из бесед с германским послом в СССР Г. фон Дирксом, но и из служебной переписки с Полпредством в Берлине [1. Bd. 1. Dok. 14, 15, 18]. Большую часть февраля советская печать сдержанно комментировала внутривосточные события в Германии, чем даже заслужила признательность Германского посольства [2. Ф. 082. Оп. 16. П. 72. Д. 3. Л. 73]. Ситуация изменилась после выступления Гитлера на многотысячном предвыборном митинге в Берлине 2 марта. Оно содержало не только антикоммунистические филиппики, но и антисоветские высказывания

[3. S. 1–2]. Это, несомненно, значительно усилило цепную реакцию враждебных выступлений и актов насилия против советских учреждений, организаций и граждан в Германии, превратив их в плохо и неохотно контролируемое явление, растянувшееся на многие месяцы [1. Bd. 1; 4. S. 43–135].

Ответными действиями советской стороны стали многочисленные протесты по дипломатической линии и массированная кампания в печати, наложившая серьезный отпечаток на атмосферу двусторонних отношений, но почти никак не повлиявшая на то, что происходило в Германии. Правда, в Наркоминделе были сторонники и более решительных мер, предусматривавших репрессалии в отношении германских граждан и учреждений в СССР [1. Bd. 1. Dok. 32. S. 209–211], но руководство НКВД их не поддержало и, замечу, не только оно.

Сталин избрал в тот момент иной путь, чтобы понудить правительство Гитлера к проведению традиционной в отношении СССР политики. С одной стороны, он был явно не склонен жестко реагировать (под жесткой реакцией имеется в виду не тональность нотной переписки и не публикации в центральных советских газетах) на эксцессы в Германии, даже в тех случаях, когда серьезно затрагивались экономические интересы СССР (резкое сокращение сбыта нефти и нефтепродуктов в Германии в результате дискриминационных и откровенно насильственных действий штурмовиков и полиции в отношении совместных компаний Дероп и Дерунафта). С другой – можно предположить, что Сталин, не без оснований считавший, что командование Рейхсвера по-прежнему заинтересовано в продолжении военно-технического сотрудничества с СССР¹, вполне мог попытаться использовать это обстоятельство в качестве давления на правительство Гитлера, чтобы принудить его к возобновлению прежней, дружественной СССР политики, приняв в мае 1933 г. решение о свертывании всех совместных проектов в этой сфере.

К середине октября 1933 г. ликвидация трех германских военно-испытательных объектов (Томка, Липецк, Казань) на территории СССР была полностью завершена. Однако это никак не повлияло на продолжавшие ухудшаться германо-советские отношения, что наглядно продемонстрировал разразившийся в сентябре 1933 г. журналистский конфликт [1. Bd. 1; 4. S. 108–124], вызванный недопуском двух советских журналистов на открывавшийся Лейпцигский процесс. Хотя его урегулирование растянулось более чем на месяц, очевидно, что жесткая реакция Москвы, отозвавшей всех советских журналистов из Германии и выславшей всех немецких журналистов из СССР, на действия руководства Германии и местных властей дала положительные результаты, выходящие за рамки требования о допуске советских журналистов на Лейпцигский процесс. Наряду с некоторыми другими факторами это сказалось на заметном сокращении числа противоправных действий в отношении советских учреждений и отдельных граждан в Германии, которые к концу 1933 г., согласно отчету Полпредства, почти прекратились [1. Bd. 1. Dok. 324. S. 901].

К сожалению, в Кремле из этого опыта, обретенного в ходе журналистского конфликта, не извлекли никаких уроков на будущее. И причиной тому было вовсе не бессилие СССР, как порой полагают историки [5. S. 190]. Ведь

¹ В отчете о почти трехнедельной ознакомительной поездке по СССР в мае 1933 г. начальник Управления вооружений сухопутных войск в Министерстве Рейхсвера генерал-лейтенант А. фон Вольф-Боккельберг резюмировал: «Сотрудничество с Красной армией и советской военной промышленностью при таком размахе русских планов и описанной энергии, направленной на их осуществление, является крайне желательным не только с военно-политической, но и с военно-технической точки зрения» [1. Bd. 1. Dok. 112. S. 446].

Германия в середине 1930-х годов еще не представляла собой того военно-политического фактора на международной арене, который должен был внушать серьезные опасения. Дело было совсем в другом. Именно в этот период в Кремле начинается формирование того внешнеполитического курса, в рамках которого отношения с национал-социалистической Германией обретали для Сталина особое значение. Мощный импульс этому процессу был дан в октябре 1933 г., когда Германия покинула Лигу Наций и Конференцию по разоружению. В условиях обозначившегося очередного противостояния в Европе для советского руководства уже не имели особого значения ни характер политического режима третьего рейха², ни планируемое им резкое увеличение вооруженных сил. Главное – Германия опять противостояла Западу и, следовательно, рано или поздно ей будет нужен союзник на Востоке. С такой Германией Сталин готов был искать сотрудничества если и не любой ценой, то, несомненно, идя на очень многое. И здесь уже достаточно четко просматриваются все нарастающее непонимание высшим советским руководством места фактора СССР в политике Гитлера и производные от этого непонимания неадекватные решения Сталина, имевшие серьезные последствия.

Лейтмотивом двусторонних отношений, температура которых определялась теперь в Берлине, становится на многие годы принцип, сформулированный Гитлером на заседании правительства 26 сентября 1933 г.: «не разрывать с нашей стороны германо-русские отношения» и не давать «русским повода для такого разрыва» [7. *Vd.* I, 2. *Dok.* 457. *S.* 840]. В этом контексте ряд инициатив, предпринятых Наркоминделом по улучшению отношений путем включения Германии в систему многосторонних договорных соглашений (Балтийский гарантийный пакт, франко-советский проект Восточного пакта) [1], были изначально обречены на неудачу. Вместе с тем официальный меморандум германского правительства, переданный правительствам Великобритании, Италии, СССР и Франции 8 сентября 1934 г. [7. *Vd.* III, 1. *Dok.* 200. *S.* 385–390], содержащий *de facto* отказ Берлина от присоединения к Восточному пакту, по существу, ничего не менял в германо-советских отношениях, вектор развития которых был определен Гитлером еще годом ранее. Что касается внешних перемен, то их довольно быстро ощутили советские дипломаты в Берлине. Так, нанесший визит новому полпреду СССР в Берлине Я.З. Сурицу заведующий IV Отделом МИД Р. Майер без обиняков ему посоветовал «оставить политику в покое и попытаться достичь сближения в экономической сфере» [1. *Vd.* I. *Dok.* 546. *S.* 1443]. Очевидно, что МИД вообще не был склонен к беседам с советскими дипломатами по политическим вопросам. Это, в частности, подтверждает вывод Сурица о двусторонних отношениях, как «зашедших в какой-то безнадежный тупик», когда «обе стороны не знают, о чем разговаривать» [1. *Vd.* I. *Dok.* 542. *S.* 1427]. Советская «карта» (или советский фактор) на этом этапе внешней политики нацистского рейха была отыграна.

Но, несмотря на продолжавшиеся в целом ухудшаться германо-советские отношения, экономические контакты, хотя и в уменьшившемся объеме, продолжали играть важную роль в усилении военно-экономического потенциала обоих государств. Можно предположить, что этот фактор наряду с рядом других, связанных с внутривосточным и международным положением Германии,

² Сталин в докладе на XVII съезде ВКП(б) явно не случайно заметил: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной» [6. *C.* 13].

сложившимися осенью 1934 г., predetermined position Сталина в отношении Германии, ориентированную на достижение широкого политического соглашения с Гитлером посредством обоюдной экономической заинтересованности на фоне перманентных противоречий между Берлином и западными державами. Возникает вполне естественный вопрос: как это могло сочетаться с официальным курсом СССР, якобы направленным на создание системы коллективной безопасности в Европе, т.е. на противодействие потенциальной агрессии со стороны набирающей мощь нацистской Германии? Оказывается, что в рамках реально проводимой СССР в отношении третьего рейха «политики дуализма», это было вполне возможно. Она сводилась к сочетанию конфронтации на международной арене, аранжируемой резкой полемикой в печати, с постоянным стремлением не переходить некоей грани в отношениях, постоянно сохраняя возможность для наведения мостов при помощи неофициальной дипломатии [1. Bd. 2. Dok. 527. S. 1339]. Можно не без оснований предположить, что именно в этих целях Сталин в конце 1934 г. инициировал так называемую миссию Д.В. Канделаки, наделив нового торгпреда в Германии особыми полномочиями.

Начиная с января 1935 г., Канделаки регулярно встречался не только с высокопоставленными сотрудниками Министерства экономики, но и с его главой — Я. Шахтом. Как свидетельствуют документы, эти встречи, связанные с подготовкой и заключением ежегодных соглашений о товарообороте и платежах, проходили непросто. Они осложнялись как стремлением советской стороны погашать свои обязательства поставками сырья и продовольствия, не вся номенклатура и объемы которых в равной мере представляли интерес для немцев [1. Bd. 2. Dok. 61. S. 295], так и стремлением германской стороны получать значительную часть платежей золотом или валютой [1. Bd. 2. Dok. 51. S. 273–274]. Другим, не менее важным фактором переговоров стал вопрос о германском кредите и условиях его реализации. Добиваясь получения 200 млн кредита, Москва через Канделаки стремилась обеспечить не только наиболее благоприятные условия его погашения, но прежде всего гарантии германской стороны относительно выполнения высокотехнологичных заказов, значительная часть которых приходилась на продукцию военного назначения [8. Док. 51. С. 101–107]. Причем на безусловном одобрении Берлином прежде всего именно этой части своих заказов настаивали советские переговорщики как на необходимом условии заключения соглашения о 200 млн кредите [1. Bd. 2. Dok. 29. S. 235].

Несмотря на немалые трудности, возникавшие в ходе продолжавшихся почти год переговоров о кредите, они были успешно завершены, и 9 апреля 1935 г. было подписано соглашение, регулировавшее весь комплекс торгово-экономических и финансовых вопросов, связанных с предоставленным СССР на пятилетний срок кредитом [7. Bd. IV, 1. Dok. 21. S. 30–37; 9. Т. XVIII. Док. 172. С. 271–274].

Советская сторона была вполне удовлетворена достигнутым соглашением, особенно условиями реализации кредита, а также согласием Министерства экономики «оказывать содействие Торгпредству при размещении и осуществлении заказов». Этой стороне соглашения в Москве придавали особое значение, принимая во внимание номенклатуру «предполагаемых заказов, которые в известной части будут носить специальный характер», т.е. являлись продукцией военного назначения [1. Bd. 2. Dok. 133. S. 460, 461]. Не в меньшей степени были довольны соглашением и в Берлине, оно обеспечивало германской промышленности большой долгосрочный объем заказов и, что особенно было

важно, получение значительных объемов сырья, в том числе стратегического значения [7. Bd. IV, 1. Dok. 20. S. 29–30].

Таким образом, советское руководство делало упор на экономических отношениях с третьим рейхом, стремясь получать, прежде всего, продукцию и оборудование военного и смешанного назначения, составлявшие львиную долю заказов, прежде всего в рамках германских кредитов, которые должны были служить повышению обороноспособности СССР, в том числе для подготовки к его неизбежному столкновению с Германией. При этом речь шла о самых современных образцах тяжелых вооружений и в первую очередь об их электронно-оптическом оснащении. Руководство Германии было вынуждено, порой в условиях жесткого межведомственного противостояния, идти на уступки СССР, т.е. фактически на усиление его военно-экономической мощи, так как было очень заинтересовано в советском сырье для ускоренного наращивания вооружений, осуществления экспансионистской политики и в недалеком будущем – для войны с Советским Союзом. Такой вот своеобразный, хотя и кратковременный, симбиоз ярко выраженных антагонистических основополагающих целей и интересов.

При этом и в одной, и в другой стране были сторонники и противники этой политики. Так, в заключении Русского комитета германской промышленности от 17 января 1935 г. о представленном Торгпредством СССР списке заказов в рамках переговоров о 200-миллионном кредите акцентировалось внимание на следующем: «Германская промышленность не заинтересована в том, чтобы поставлять русским ту продукцию, оборудование или готовые технологии, которые будут способствовать полной индустриальной самостоятельности СССР, вызовут застой важных отраслей нашей промышленности и тем самым увеличение нашей безработицы» [1. Bd. 2. Dok. 9. S. 181]. Вполне реалистично оценивали ситуацию и советские дипломаты в Берлине, полагая, что, «судя по всему, у немцев серьезные сомнения в отношении того, допустимо ли для Германии столь плотное и столь глубокое содействие созданию военной промышленности в Советском Союзе» [1. Bd. 2. Dok. 18. S. 206]. Хотя подписанное 9 апреля экономическое соглашение позволило сторонам найти в целом приемлемое решение по многим вопросам на компромиссной основе, однако реализация принятых решений, особенно касающаяся номенклатуры советских военных заказов, наталкивалась зачастую на серьезные трудности. Как сообщал Канделаки Сталину 3 сентября 1935 г., Берлин ввел новые правила, согласно которым требуется «почти каждый серьезный заказ выдавать после переговоров не только с фирмами, но и с немецкими правительственными органами, поскольку немцы установили над своим экспортом, в особенности по интересующим нас объектам, жестокий контроль с военной точки зрения» [8. Док. 71. С. 128]. По мнению руководителя Экономического отдела МИД К. Риттера, «в Германии есть целый ряд вещей, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть проданы в СССР, т.к. они в военном или техническом отношении представляют исключительную ценность и являются как бы монополией Германии». При этом в качестве примера он сослался на стремление СССР приобрести технологию изготовления аккумуляторных батарей. «Извините, – подчеркнул Риттер в беседе с советником Полпредства СССР в Германии С.А. Бессоновым, – продавать секрет производства батарей для подводных лодок стране, подводные лодки которой могут плавать в Балтийском море – мы не можем и не будем» [1. Bd. 2. Dok. 338. S. 944].

При решении данного конкретного вопроса произошло именно так, как и предвидел Риттер, но по ряду других «щекотливых» пунктов, касавшихся советских военных заказов, Берлин вынужден был пойти на серьезные уступки³. Возникает закономерный вопрос: почему? Ответ на него был дан на межведомственном совещании, состоявшемся в Рейхсминистерстве экономики 4 января 1936 г., при обсуждении информации о готовности Шахта предоставить СССР новый кредит, на этот раз в сумме 500 млн рейхсмарок на десять лет и начать переговоры о заключении соответствующего соглашения. Как отмечалось в протоколе совещания, «положение Германии с сырьем вследствие непоступления русского сырья угрожает приобрести катастрофический характер. Германия нуждается по меньшей мере в сырье из Советского Союза на сумму в 160 млн рейхсмарок, в особенности древесины, нефти, кормов, марганцевой руды. Положение с валютой в Германии также безотлагательно требует дальнейшего притока русского золота» [7. Bd. IV, 2. Dok. 483. S. 950].

На первый взгляд в правительстве СССР не должно было быть разных мнений по поводу официального курса, ориентированного на расширение торгово-экономических отношений с Германией, но тем не менее они были. Их выразил, в частности, нарком Литвинов, обративший внимание в одной из записок Сталину на следующее обстоятельство: «Ввиду совершенной безнадёжности улучшения политических отношений, я считал бы неправильным передачу в Германию всех или львиной доли наших заграничных заказов на ближайшие годы. Это было бы неправильно потому, что мы этим оказали бы крупную поддержку германскому фашизму, испытывающему теперь величайшие затруднения в экономической области» [1. Bd. 2. Dok. 303. S. 864]. При обсуждении этого вопроса в Кремле Сталин поддержал позицию торгпреда Канделаки, активно лоббировавшего, явно, отнюдь не по собственной инициативе, всяческое расширение объема экономических отношений с Германией [1. Bd. 2. Dok. 310. S. 878]. Почему? Трудно представить, что он не понимал того значения, которое имеют для экономики Германии и наращивания ее военной мощи советские поставки сырья. Может быть, он рассчитывал на то, что при помощи военной продукции и технологий, полученных из Германии, экономический потенциал и военная мощь СССР в конечном счете как минимум не будут уступать таковым третьего рейха, и поэтому такая политика оправдана? Подобные соображения, разумеется, исключать нельзя, но были ли они основными и тем более единственными?

И здесь на первый план выдвигается то главное, что побудило Сталина наделить торгпреда Канделаки полномочиями, явно выходящими за рамки рутинных переговоров по торгово-экономическим вопросам, даже касавшихся лоббирования заказов военного назначения. Все, что в этой связи имело, несомненно, немалое значение для усиления военно-экономического потенциала СССР, было одновременно трамплином, который, по замыслу Сталина, позволил бы не просто нормализовать отношения с Германией, но и ввести их в рамки политического соглашения. Что дает основания для подобного рода вывода? Прежде всего, это те немногие письменные инструкции Канделаки, которые в настоящее время уже доступны исследователям.

³ После длительных переговоров и вмешательства Г. Геринга Военное министерство разрешило германским фирмам поставку в СССР броневой стали, корабельных катапульт и приборов для осуществления слепой посадки самолетов [1. Bd. 2. Dok. 557. S. 1401].

В первой из таких инструкций — для беседы с Шахтом, составленной Литвиновым и отредактированной Сталиным через несколько дней после заключения советско-французского договора о взаимопомощи в мае 1935 г., фактически направленного против Германии, — подчеркивалась неизменная готовность советского правительства развивать с последней «наилучшие отношения, в особенности экономические, которые оно очень ценит». Более того, «заключенный пакт не только не должен мешать, а наоборот, может помочь установлению более спокойных и наилучших корректных отношений с Германией, а также дальнейшему развитию экономических отношений» [1. Bd. 2. Dok. 142. S. 487; 8. Док. 67. С. 125–126]. Однако из этой попытки, используя Шахта, повлиять на внешнюю политику третьего рейха в отношении СССР ничего не вышло [7. Bd. IV, 1. Dok. 211. S. 445].

Несмотря на подобный афронт, Сталин, по-видимому, продолжал питать иллюзии относительно возможности достижения политического сближения с нацистским рейхом, даже вопреки перманентной антисоветской кампании в германской печати, особенно усилившейся после начала Гражданской войны в Испании и осенью 1936 г. накануне очередного съезда НСДАП в Нюрнберге. На нем антисоветская кампания достигла невиданных масштабов, что побудило иностранных журналистов в Берлине даже обратиться с запросом в Председательство СССР относительно вероятности разрыва советско-германских отношений после окончания партсъезда [2. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 46. Л. 43]. В такой обстановке Литвинов вновь поставил вопрос перед Политбюро о необходимости направить ноту протеста Германии [1. Bd. 2. Dok. 511. S. 1309]. Тем не менее было «решено ноты не посылать» [10. Док. 819. С. 676]. Это представляется более чем странным, поскольку Гитлер в заключительной речи в Нюрнберге перешел уже к открытым угрозам в адрес СССР, заявив: «Никто не сомневается в том, что национал-социализм будет повсюду и при всех обстоятельствах защищаться против наступающего на него большевизма, разобьет и уничтожит его» [11. S. 305]. Объективно съезд Национал-социалистической партии в Нюрнберге продемонстрировал, что германо-советские политические отношения достигли предела с момента прихода Гитлера к власти [4. S. 420].

Поздней осенью 1936 г. ситуация еще больше обострилась после того, как в ходе набиравшей обороты в СССР кампании по борьбе со шпионами были произведены с санкции высших партийных и государственных инстанций⁴ многочисленные аресты подданных Германии в Москве, Ленинграде и Новосибирске, якобы ставшие «результатом раскрытия фашистской организации, ведшей контрреволюционную и террористическую работу» [1. Bd. 2. Dok. 568. S. 1424]. Волна арестов приняла такие масштабы, что германский посол в СССР граф Ф. фон дер Шуленбург добился приема у председателя Совнаркома В.М. Молотова, заявив ему, что аресты носят зачастую провокационный характер, что в Советском Союзе никогда не было национал-социалистической организации и т.д. [1. Bd. 2. Dok. 616. S. 1528].

Закономерно возникает вопрос, чем объяснить столь не сочетаемые между собой действия Сталина — стремление к политическому урегулированию с Германией, с одной стороны, и провоцирование Берлина на дальнейшее обострение отношений — с другой? Можно предположить, что в этом случае,

⁴ 5 января 1936 г. Политбюро приняло решение, согласно которому аресты иностранных граждан НКВД должны осуществляться исключительно с согласия главы правительства В.М. Молотова или Секретариата ЦК ВКП(б) [12. Док. 562. С. 723].

как и в ряде других, имело место сочетание тесно связанных внутри- и внешнеполитических соображений высшего советского руководства. В том числе тех, которые, приобретая доминирующее влияние на политику в целом, входили в противоречие с внешнеполитическими замыслами того же руководства. Многочисленные аресты германских подданных, обвинявшихся в «террористической, диверсионной и шпионской деятельности», якобы осуществлявшейся по заданиям гестапо на территории СССР [1. Bd. 2. Dok. 645. S. 1592–1596], стали частью новой волны массового террора, материализацией постулата высшего партийно-государственного руководства о том, что «пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств» [13. С. 11]. Однако этим дело не ограничилось. Перед Берлином был поставлен вопрос об отзыве из СССР двух германских дипломатов (военного атташе генерала Э. Кёстринга и пресс-атташе посольства В. Баума) [1. Bd. 2. Dok. 650, 657, 664], которые фигурировали в показаниях подсудимых на так называемом процессе антисоветского троцкистского центра в Москве в январе 1937 г. [14. С. 58, 64]. Но, натолкнувшись на жесткие заявления посла Шуленбурга [7. Bd. VI, 1. Dok. 213, 218, 221], в Кремле пришлось срочно «забыть» о своем первоначальном требовании отозвать генерала Кёстринга [7. Bd. VI, 1. Dok. 253. S. 543–544] и ради «сохранения лица» настаивать на отъезде только пресс-атташе Баума⁵.

Тем временем в Берлине были приняты решения по поводу заявления советского руководства, переданного через Канделаки Шахту 29 января 1937 г., в котором, в частности, говорилось: «Советское правительство не отказывается и от прямых переговоров через официальных дипломатических представителей; оно согласно также считать конфиденциальными и не предавать огласке как наши последние беседы, так и дальнейшие разговоры, если германское правительство настаивает на этом» [1. Bd. 2. Dok. 620. S. 1534]. Германская сторона вовсе не настаивала на этом. Более того, выслушав Канделаки, Шахт заметил, что, хотя сделанное сообщение представляет несомненный интерес, но, как он, Шахт, говорил уже ранее, подобного рода заявления должны адресоваться полпредом непосредственно МИД [7. Bd. VI, 1. Dok. 195. S. 426]. 10 февраля 1937 г. министр иностранных дел К. фон Нейрат доложил Гитлеру о встречах Шахта с советским торгпредом, акцентировав внимание на последнем заявлении Канделаки, сделанном от имени Сталина и Молотова. Реакция Гитлера была вполне предсказуема, учитывая тональность его выступления в рейхстаге 30 января [15. Bd. I,2. S. 671–672]. Он сказал Нейрату, что не видит смысла в переговорах с советским правительством, поскольку «они не смогут привести ни к какому результату и, скорее всего, были бы использованы русскими для достижения желаемой цели — тесного военного союза с Францией и при возможности также еще дальнейшего сближения с Англией» [7. Bd. VI, 1. Dok. 195. S. 426].

Гитлер ошибался в оценке намерений противной стороны — устойчиво хорошие отношения с Берлином были для хозяина Кремля предпочтительнее всех прочих комбинаций. Однако в данной конкретной ситуации он не нуждался в каком-либо урегулировании отношений с СССР, состояние которых совершенно не зависело от тех или иных предложений советской стороны. Таким

⁵ Несостоятельность позиции советской стороны в этом вопросе была настолько очевидна, что ее не могла даже скрыть запись Литвинова в служебном дневнике о его беседе с Шуленбургом 27 марта 1937 г. [1. Bd. 2. Dok. 676. S. 1647–1648].

образом, «миссия Канделаки», нацеленная на наведение политического моста между Москвой и Берлином завершилась полной неудачей [1. Bd. 2. Dok. 671. S. 1640–1641], а ее основной исполнитель был отозван в Москву и после непродолжительного пребывания на посту замнаркома внешней торговли арестован и расстрелян. Попытки некоторых историков представить «миссию Канделаки» как нацеленную Сталиным на обеспечение, прежде всего, важных поставок военного назначения, в то время как его «желание в целом улучшить отношения с Германией играло подчиненную роль» [8. С. 21; 16. С. 68] не подтверждается документами. Они не только не учитывают политическую составляющую этой миссии, нашедшую отражение как в немецких, так и в советских документах, но и полностью игнорируют причины ее неудачи, имевшие исключительно политическую подоплеку, как и политические последствия.

Минимизация отношений с Советским Союзом во всех сферах Гитлера вполне устраивала, позволяя ему наращивать вооружения Германии и при этом ссылаться на угрозу, которую представляет для всего Запада «варварская страна, управляемая методами Ивана Грозного» [17. S. 345]. Начался новый период в советско-германских отношениях, характеризующийся сведением до минимума дипломатических контактов⁶, резким сокращением экономических связей (в 1938 г. германский экспорт в СССР сократился по сравнению с 1937 г. с 117 млн до 34 млн рейхсмарок, а импорт из СССР, соответственно, с 65 млн до 53 млн рейхсмарок) [18. S. 367. Anh. Tabelle I], беспрецедентным ростом числа арестов германских подданных в СССР⁷, и все это на фоне острого противостояния в политической и идеологических сферах буквально по всем без исключения проблемам.

Это замораживание отношений продолжалось довольно долго, по крайней мере, до поздней осени 1938 г. Во многих работах отечественных историков, рассматривающих предвоенный политический кризис и принимающих за точку его отсчета Мюнхенское соглашение, советско-германские отношения, как правило, «начинаются» с последующего ему периода. Причем делается это без учета или в рамках более чем поверхностного описания их состояния в 1933–1938 гг., тогда как отношения эти в то время были наполнены немаловажными событиями. Именно тогда в Рейхсканцелярии и Кремле были заложены и апробированы базовые установки подходов к двусторонним отношениям, остававшиеся, несмотря на зигзаги, фактически неизменными на протяжении всего их конфронтационного развития. Отмеченный подход неизбежно приводит к односторонним выводам, даже в тех случаях, когда историки стараются анализировать происходившее между Берлином и Москвой и делать выводы, опираясь на факты и документы, а не ограничиваются противопоставлением одной импонирующей им оценки — другой, не импонирующей.

За полтора с лишним года, прошедших после фиаско «миссии Канделаки», положение обоих государств на международной арене претерпело серьезные изменения. Германия, перейдя к открытой экспансии на континенте,

⁶ После ареста в сентябре 1937 г. пробывшего всего около двух месяцев на посту полпреда в Берлине К.К. Юренева, этот пост почти год оставался вакантным. В свою очередь, германские дипломаты выражали «сомнение в целесообразности существования в Москве Германского посольства, что ему, посольству, в сущности говоря, здесь нечего делать» [2. Ф. 082. Оп. 21. П. 88. Д. 2. Л. 37].

⁷ 25 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал приказ об аресте в пятидневный срок (начиная с 29 июля) всех германских подданных, работавших на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов, но проживающих на территории республики, края, области [19. Док. 149. С. 270–272].

осуществила аншлюс Австрии и санкционированное на Мюнхенской конференции отторжение Судетской области Чехословакии. Стратегические позиции третьего рейха, его военная мощь и военно-экономический потенциал серьезно укрепились, представляя собой уже не гипотетическую, а вполне реальную угрозу для большинства европейских стран.

За это же время внутреннее положение СССР и его международные позиции резко ослабели. Страна переживала беспрецедентный по масштабам политический катаклизм, называемый часто «Большим террором»: в течение 1937–1938 гг. было арестовано более 1 млн 700 тыс. человек, из них почти 800 тыс. расстреляны. Красная армия была фактически обезглавлена, лишившись за два года более 35 тыс. человек командного состава, в том числе почти всего высшего руководства армии, авиации и флота, которому, как правило, инкриминировался шпионаж в пользу иностранных государств, преимущественно Германии, Японии и Польши, что не могло не наложить серьезный отпечаток на отношение к СССР его потенциальных или скорее гипотетических союзников. В результате возникли серьезные кадровые проблемы, а боеспособность советских вооруженных сил – важнейшего инструмента внешней политики была очень сильно подорвана. Обострились трудности и в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Все это позволяет сделать вывод, что союзоспособность СССР в 1938 г., независимо от соотношения сил в Европе, была близка нулю, не только значительно ограничивая его активное участие в международных делах, но и фактически исключая возможность проведения активной внешней политики в условиях растущей агрессивности держав оси, что в полной мере проявилось в период чехословацкого кризиса 1938 г. [20]. Нараставшая на протяжении 1938 г. изоляция СССР на международной арене достигла своей кульминации в момент подписания Мюнхенского соглашения.

Означало ли подобное развитие событий, что СССР в послемюнхенский период остался пассивен на международной арене, не предпринимая никаких шагов и не развивая никаких инициатив? Такой вывод был бы совершенно неправомерен. «Политика дуализма» вовсе не была сдана в архив, и вскоре после Мюнхенского договора Сталин ее реанимировал. Однако, в отличие от предшествующего периода, сложившиеся отношения с Германией фактически исключали в той обстановке неофициальный зондаж, поэтому обе линии этой политики осуществлялись по официальным каналам, в том числе с привлечением прессы. Наркоминдел в лице Литвинова, в атмосфере «существенно скрытого ухудшения отношений» между СССР и западными державами [21. Т. 1. Док. 71. С. 127] занимал выжидательную позицию, тем не менее не исключал, что «Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму» и тогда «неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком» [21. Т. 1. Док. 28. С. 67].

В качестве приоритетной задачи всей послемюнхенской политики Сталин наметил соглашение с Германией. Подобное решение, как можно предположить, было обусловлено политикой «умиротворения» агрессивных держав, которую западные державы продолжали проводить, и все бóльшим дистанцированием Лондона и Парижа от тоталитарного режима в СССР, а также обозначившейся общностью внешнеполитических интересов Москвы и Берлина, которую Сталин из-за ограниченности выбора вариантов поведения на международной арене «разглядел» значительно раньше, чем Гитлер. Сочетание прежде всего этих факторов в условиях резко обострившейся международной обстановки оказало большое влияние на формирование внешнеполитического курса СССР.

Путь к сближению СССР и Германии имел совершенно разные отправные точки, причем как по времени проявления тех или иных инициатив, так и по содержанию, не говоря уже об уровне их репрезентантов. Не вдаваясь в подробности этого процесса, который в значительной степени исследован историками разных стран, в том числе и на основе ставших доступными советских документов, кратко обозначу его основные этапы, события которых, прежде всего в российской историографии, по-прежнему не находят адекватного имеющемуся уровню знаний освещения.

Инициатива возобновления переговоров о предоставлении СССР кредита в 200 млн рейхсмарок, прерванных в марте 1938 г. из-за отказа германской стороны предоставить фирмам-поставщикам стопроцентные государственные гарантии и из-за требования довести советский экспорт в Германию в течение 1938 г. и 1939 г. до уровня в 150 млн рейхсмарок ежегодно [22. Т. 3. Док. 178. С. 265], исходила от Берлина. Обмен мнениями по этому поводу между посольством Германии в Москве и МИД начался еще в октябре 1938 г. [23. Bd. IV. Dok. 477, 478, 479], постепенно перейдя в обсуждения на межведомственном уровне [23. Bd. IV. Dok. 481. S. 538–539; 24. R. 105998. Bl. H000962-H000965], в ходе которых, в частности, отмечалось, что возобновление переговоров с СССР о кредите открывает возможность получения «дополнительно определенного, приобретаемого за валюту сырья». неизбежно возникает вопрос: что побудило Берлин вернуться за стол переговоров с Москвой? И не просто вернуться, а пойти на уступки по ряду вопросов, из-за которых, собственно, они были прерваны весной 1938 г., причем сделав это в условиях значительного ухудшения отношений под влиянием экспансионистской политики Германии на континенте. Здесь просматривается непосредственная связь с решениями, принятыми Гитлером осенью 1938 г. о начале широкомасштабной материально-технической подготовки к войне против западных держав, в рамках которой Г. Герингом была поставлена задача пятикратного увеличения люфтваффе, до 19 тыс. самолетов к весне 1942 г. [25. Dok. 89. S. 211–212]. В записке заведующего политико-экономическим отделом МИД Э. Виля от 4 ноября 1938 г. отмечалось: «Положение Германии с сырьем таково, что штабы генерал-фельдмаршала Геринга и другие заинтересованные ведомства настойчиво требуют предпринять, по меньшей мере, еще раз попытку вновь активировать торговые операции с русскими, в особенности касающиеся импорта русского сырья» [23. Bd. IV. Dok. 479. S. 534].

При этом ни о каком упоминании политического фона, в условиях которого предполагалось значительно интенсифицировать экономические отношения, не было и речи, что, впрочем, неудивительно, принимая во внимание состав участников этих обсуждений, как правило, занимавших посты не выше руководителей профильных отделов ведомств и экспертов. Означало ли это, что роль СССР во внешней политике Третьего рейха была настолько инструментализирована, что не выходила за рамки дипломатически окрашенного определения статс-секретаря МИД Э. фон Вайцзеккера от 14 декабря 1938 г.: «Россия не представляет интереса ни в качестве друга, ни в качестве врага» [24. Botschaft Moskau, Nr. 558. Bl. 191237]. Разумеется, нет. Убедительным подтверждением чему являлось отнюдь не публичное выступление рейхсминистра иностранных дел Й. фон Риббентропа перед генералами и адмиралами Вермахта 24 января 1939 г., в котором, в частности, отмечалось: «В широких кругах порой все еще тешат себя мыслью, что рано или поздно можно будет достичь соглашения с Советской Россией». Однако подчеркнул Риббентроп: «Между

национал-социализмом и большевизмом никогда не могло и не может быть никакого компромисса [...]. Для Германии существует только одна политика, а именно та, что направлена против России» [26. RM 20/1637. Bl. 277]. Так, в общих чертах выглядело из Берлина на официальном уровне «сближение» с СССР, не претерпевшее каких-либо изменений вплоть до мая 1939 г.

Совсем иначе развивались события в Москве, связанные с германским направлением советской внешней политики, в которой экономическим вопросам отводилась немаловажная роль, хотя и определено вспомогательное. 29 ноября 1938 г. наркомом внешней торговли СССР был утвержден член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совнаркома СССР А.И. Микоян [27. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 6], что, как можно предположить, свидетельствовало о том, на какой уровень Сталин хотел поднять переговоры по торгово-экономическим вопросам с Германией, понимая, что немцы, интенсивно готовясь к войне, неизбежно упрутся в проблему нехватки стратегического сырья⁸, т.е. в необходимость расширения торговых отношений с СССР. Спустя неделю в Кремле было принято решение о продлении соглашения о торгово-платежном обороте между государствами, заключенное в 1938 г., на 1939 г. [22. Т. 3. Док. 186. С. 271]. Это совершенно рутинное решение ничем не отличалось от аналогичных в предшествующие годы, вот только геополитическая обстановка в Европе существенно менялась в пользу Германии. И тем не менее реакция советской стороны на предложение немецких дипломатов возобновить прерванные в марте 1938 г. переговоры о предоставлении СССР крупного кредита на более выгодных, чем ранее, условиях [23. Vd. IV. Dok. 482. S. 540; 21. Т. 1. Док. 101. С. 167–168] была положительной и оперативной [21. Т. 1. Док. 104. С. 177].

Желание советского руководства провести переговоры с немецкими представителями в Москве указывает на то, что в Кремле придавали особое значение диалогу с Берлином (после прихода Гитлера к власти это был бы первый случай такого рода переговоров в советской столице), рассчитывая вести его с участием Микояна. В пользу подобного предположения свидетельствует та настойчивость, с которой полпред А.Ф. Мерекалов добивался «положительного решения этого вопроса от германского правительства» [21. Т. 1. Док. 109. С. 185; 23. Vd. IV. Dok. 483. S. 542–543]. Более того, 21 января 1939 г. Политбюро приняло решение, обязывающее руководителей наркоматов внешней торговли, путей сообщения, авиапромышленности, судостроительной промышленности, боеприпасов, вооружений и машиностроения к 24 января «представить список абсолютно необходимых станков и других видов оборудования, могущих быть заказанными по германскому кредиту» [22. Т. 3. Док. 188. С. 274]. Это решение отражало как очевидное намерение Кремля использовать предложенный немецкой стороной кредит для заказов преимущественно военного назначения, так и стремление установить на ближайшие годы тесные отношения с Берлином, принимая во внимание сроки выполнения предполагаемых заказов (от одного до трех лет).

Однако многообещающий раунд переговоров между Берлином и Москвой по торгово-экономическим вопросам был неожиданно и весьма недипломатично сорван германской стороной, так и не начавшись. Отмена визита ответственного сотрудника МИД К. Шнурре в Москву, по всей видимости, была

⁸ В передовице «Правды» отмечалось: «Фашистская Германия бешено готовится к войне, для ведения которой ей нужны огромные добавочные ресурсы стратегического сырья [...] Вопрос о запасах сырья и продовольствия стоит с небывалой остротой» [28. С. 4].

продиктована нежеланием Гитлера создавать в тот момент впечатление о демонстративном обострении отношений с Польшей после очередного неудачного раунда двусторонних переговоров в Варшаве [29. С. 122–123]. В это время Польша занимала в замыслах Гитлера, ориентированных на антизападную стратегию, несопоставимое с СССР место, а посему экономический и даже военно-экономический интерес был временно принесен в жертву, оттесненный политическим целеполаганием [30. С. 320–331].

Несмотря на полученную, по оценке самого Шнурре, «пощечину» [31. Вл. 69], Москва не прекращала подавать разные сигналы Берлину (впрочем, не только ему), свидетельствовавшие о ее неизменном стремлении к сотрудничеству с нацистской Германией⁹. Здесь следует также упомянуть о таких фактах, как значительная сдержанность прессы, ускоренное решение дел о высылке арестованных в СССР (за «шпионаж» или участие в «контрреволюционных фашистских организациях») германских подданных (2. Ф. 082. Оп. 22. П. 92. Д. 6. Л. 2), и, конечно, согласие Кремля вести переговоры о условиях кредита даже на уровне посла и заведующего экономическим отделом посольства.

Что касается самих переговоров, начавшихся 10 февраля 1939 г., то они проходили непросто [18. S. 39–40]. Во-первых, советская сторона, при всей важности заказов военного назначения в рамках предложенного кредита [33. S. 185–186], стремилась, по-прежнему, использовать эти переговоры в качестве рычага для достижения политического соглашения с нацистской Германией. Поэтому Микоян вел переговоры достаточно жестко [21. Т. 1. Док. 155. С. 231], уступая немцам только тогда, когда становилось ясно, что переговоры приближаются к критической фазе [23. Bd. IV. Dok. 493. S. 550]. Во-вторых, высокопоставленные чиновники в Берлине, получив информацию об уступках Москвы на переговорах и изучив перечень советских заказов, констатировали на межведомственном совещании 11 марта 1939 г., что «незавершенные переговоры о кредите России необходимо подходящим образом сорвать», так как немецкая экономика не в состоянии будет выполнить в ближайшие один–два года требуемые советской стороной поставки. В итоге было принято решение переговоры с Москвой резко не прекращать, а затягивать их с тем, чтобы, если появятся возможности для выполнения заказов, их возобновить [23. Bd. IV. Dok. 495. S. 553]. Подобного рода решения, как отметил немецкий историк Г. Швендеман, свидетельствовали о том, что за предложением о предоставлении крупного кредита СССР не скрывалось намерение Гитлера что-то менять в германо-советских отношениях [33. S. 40], иначе, как это не раз случалось в истории третьего рейха, политические соображения оказались бы доминирующими.

Постепенно в Кремле осознали тот факт, что на данном этапе давление на Берлин в сфере экономики не дает практически никаких результатов и необходимо задействовать масштабный политический ресурс. В качестве своего рода «пробного шара» была опубликована (под псевдонимом) в главном партийном журнале «Большевик» статья замнаркома иностранных дел В.П. Потёмкина, посвященная международным проблемам [34]. Хотя ее основной пафос был

⁹ Спустя всего несколько дней после отмены визита Шнурре в центральных советских газетах было опубликовано подробное изложение статьи из английской газеты «The News Chronicle», в которой без каких-либо комментариев утверждалось, что советско-германские «переговоры, которые, возможно, закончатся предоставлением в распоряжение Германии неисчерпаемых ресурсов продовольствия на случай войны, имеют также и политическое значение» [32. С. 5]. Проведенные исследования позволили установить, что статья в «The News Chronicle» была инспирирована Москвой [2. Ф. 06. Оп. 1. П. 4. Д. 34. Л. 1].

направлен против политики западных держав, которым-де не следует особенно рассчитывать на СССР, она содержала еще и весьма правдоподобный набросок политики Германии ближайшего времени, в основном отражавший постемюхенское видение Сталиным развитие событий на континенте. Рассуждая об экспансионистских амбициях Гитлера на западноевропейском направлении, которому «нужно иметь на Востоке спокойный тыл», ради чего, — констатировал автор, — можно не только заверить Польшу в отсутствии враждебных намерений, но «еще важнее несколько успокоить большевиков: предложить им расширение торгового обмена с Германией; заговорить о кредитах под их заказы [...]. Быть может, — ставил многозначительный вопрос Потёмкин, — этим и удастся отвлечь внимание СССР от западных дел?» [34. С. 64]. В этой статье, бывшей только некоей прелюдией к последующим шагам Кремля на этом направлении, было сказано значительно больше, чем даже Сталиным в докладе на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г.

На сформулированные в этом докладе основные принципы и задачи советской внешней политики на ближайшие годы [35. С. 15], Сталин, хотя и с известными коррективами, ориентировался вплоть до 22 июня 1941 г., когда стала очевидна их полная изначальная несостоятельность. При этом, коснувшись уже основательно забытой темы о германских планах захвата советской Украины, активно обсуждавшейся мировой прессой поздней осенью 1938 г., он охарактеризовал ее как «подозрительный шум». Шум, который «имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований» [35. С. 13]. Молотов, вероятно, единственный, кто мог быть посвящен в сталинский замысел, направленный на достижение политического соглашения с Гитлером, спустя полгода, когда задуманное в Кремле уже осуществилось, разъяснял депутатам Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г.: «Тов. Сталин [...] еще тогда (на партийном съезде. — С.С.) поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР» [36. С. 1].

Однако утверждение Молотова, что «в Германии, в общем, правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы» [36. С. 1] применительно к весне 1939 г., не соответствовало действительности. В планы Гитлера соглашение с СССР в то время никак не входило. Это подтверждает, в частности, указание Рейхсминистерства пропаганды прессе от 13 марта, как освещать XVIII съезд ВКП(б): «Съезд коммунистов в Москве может комментироваться в том смысле, что он сводится к еще большему укреплению клики Сталина — Кагановича» [37. Док. 775. S. 243]. Таким образом, выступление Сталина на съезде в тот момент основной цели не достигло. Однако это советского диктатора, уже сделавшего выбор в пользу безотлагательного сближения с Германией, не остановило, несмотря на ее очередные агрессивные акции — захват Чехии и аннексию Мемеля.

Во второй половине апреля Сталин, по всей видимости, уже располагал информацией о резко ухудшившихся германо-польских отношениях, особенно заметным проявлением чего стало заявление Гитлера в рейхстаге 28 апреля об отныне не существующем германо-польском соглашении (1934) о ненападении [15. Bd. 2.1. S. 1163]. Такая динамично развивавшаяся ситуация была чревата риском для втягивавшегося в переговоры с западными державами Советского Союза незаметно «вползти» в большую войну. Независимо от ее исхода, такой вариант никак не устраивал Сталина. Поэтому достижение соглашения

с нацистской Германией стало уже не только приоритетной, но и безотлагательной задачей советской внешней политики.

Резкая переориентация внешнеполитического курса требовала действий такого конфиденциального характера, выработку и осуществление которых Сталин мог провести совместно только с особо доверенным и близким ему лицом, каковым Литвинов не являлся [38. С. 98]. Одновременно отстранение Литвинова от дел должно было выполнить чрезвычайно важную знаковую функцию. Для патологического антисемита Гитлера важнейшим симптомом изменений в советской внешней политике могло стать не отстранение прозападно настроенного Литвинова, а смещение еврея с поста руководителя Наркоминдела. И Сталин использовал этот весомый аргумент для сближения с третьим рейхом. На этот раз его расчет оказался точным. Уже на следующий день после опубликования в прессе официального сообщения об отставке Литвинова [39. С. 4], 5 мая, редакциям всех периодических изданий Германии предписывалось «немедленно прекратить полемику против Советского Союза и большевизма [...]. И в любом случае до новых указаний не допускать каких-либо резких высказываний в адрес Советского Союза» [37. Dok. 1321. S. 423].

В течение первой половины мая Сталин получал из разных источников информацию, что он «услышан» в Берлине [21. Т. 1. Док. 334, 341, 349; 9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 280, 282, 292]. Хотя именно в это время перед немецкими дипломатами была поставлена задача — создать в очередной раз впечатление о политическом урегулировании с СССР, дабы не допустить формирования англо-франко-советской коалиции¹⁰. На основании имеющихся у историков очень ограниченных сведений о степени информированности Сталина касательно ближайших намерений Гитлера в отношении Советского Союза по состоянию на май 1939 г. можно констатировать следующее: в Кремле было известно о стремлении Берлина «при любых обстоятельствах добиться нейтралитета СССР» в ходе предстоящей войны с Польшей [40. Док. 1.27. С. 81–84]. Из этого следовало, что Гитлер не планировал воевать с СССР, по крайней мере в 1939 г., что соответствовало действительности. В какой мере Сталин в своих решениях учитывал эту информацию? На этот вопрос трудно ответить определенно. Вместе с тем дальнейшие решения Сталина на этом направлении подтверждают вывод о том, что сообщения о форсированной подготовке Германии к нападению на Польшу, завершение которой намечалось на июль — август 1939 г., с одной стороны, и донесения о намерении Берлина так или иначе обеспечить неучастие СССР в предстоящей кампании, с другой, были не просто приняты в Кремле во внимание, о чем свидетельствует резолюция Сталина на полях материала, направленного ему начальником 5-го (разведывательного) управления РККА И.И. Проскуровым [40. С. 84], но и побудили к изменению линии поведения на дипломатическом уровне.

Так, получив информацию из Берлина относительно зондирования германской стороной «возможности посылки в СССР комиссии промышленников и, возможно, представителя Министерства хозяйства для активизации переговоров по кредиту», Сталин дал указание «пока не реагировать никак на [это] предложение» [27. Ф. 84. Оп. 1. Д. 134. Л. 9]. Его определенно не устраивала и другая информация — о планируемом визите Шнурре в Москву [21. Т. 1.

¹⁰ Как отмечал Вайцеккер в памятной записке Риббентропу 25 мая: «Нашей целью должно быть воспрепятствование тому, чтобы русско-англо-французские отношения не стали еще более обязывающими и не развивались дальше» [23. Bd. VI. Dok. 437. S. 487].

Док. 349. С. 465—466]. Слишком много времени было упущено, чтобы начинать налаживание отношений с переговоров на невысоком уровне об условиях германского кредита, когда международная обстановка обрела совершенно новую динамику. В этой ситуации Сталин пришел к выводу, что диалог с Берлином необходимо перевести в иную плоскость, сделав определяющим политический аспект, а никоим образом не утратившие своего значения экономические переговоры, переместить в Берлин, поручив их торгпредству. Подобное смещение акцента неизбежно должно было вовлечь в переговорный процесс лиц, сопричастных к выработке внешнеполитических решений в третьем рейхе. Такова была подоплека принципиально важной, ключевой для дальнейшего развития советско-германских отношений фразы, произнесенной Молотовым 20 мая в беседе с Шуленбургом: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база». Молотов не объяснил, что при этом конкретно имеется в виду, и на вопрос посла ответил уклончиво: «Об этом надо подумать и нам, и германскому правительству» [21. Т. 1. Док. 362. С. 482—483].

Больше двух месяцев в Кремле ждали ответа на вопрос, что же понимают в Рейхсканцелярии под подведением политической базы под германо-советские отношения, иными словами, что может Гитлер предложить Сталину. Конечно, это не означало, что ожидание было пассивным. Как отмечал Л.А. Безыменский, вероятно единственный, кому была предоставлена возможность ознакомиться с документами, относящимися к советско-германским отношениям в 1939 г. в Архиве президента Российской Федерации, именно тогда «советская дипломатия поставила своеобразный рекорд высшего политического пилотажа. Перед лицом европейской общественности СССР продолжал политику коллективной безопасности, не только ведя переговоры с Англией и Францией по поводу противостояния будущей нацистской агрессии, но и проявляя на них большую активность» [41. С. 13].

Действительно, переговоры СССР с западными державами занимали важное место в процессе сближения между Москвой и Берлином. Двойственный подход руководства Англии и Франции к этим переговорам, хотя и имевший свою мультифакторную мотивацию, не только не способствовал достижению ни одной из поставленных Лондоном и Парижем целей, но и чрезвычайно облегчал Сталину непростую задачу по перекалыванию ответственности за неудачу трехсторонних переговоров на западные державы. Этот умысел прослеживался уже в самом первом советском проекте соглашения между тремя державами [21. Т. 1. Док. 276. С. 386—387], о чем с предельной откровенностью упомянул полпред СССР во Франции Суриц в письме Молотову 6 мая 1939 г.: «Наш собственный проект безупречен, прежде всего, с тактической точки зрения. Мы им отрезаем всякую возможность подбросить нам в будущем упреки и обвинение, что СССР уклонялся от участия в борьбе с агрессором» [2. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Л. 91].

Можно предположить, что именно подобные соображения легли в основу дальнейшей линии поведения советской стороны, как в ходе 12 заседаний политических переговоров Молотова с уполномоченными представителями Англии и Франции с 15 июня по 2 августа, так и на трехсторонних переговорах военных миссий в Москве с 12 по 21 августа 1939 г. К сожалению, по целому ряду важных вопросов, касающихся политических переговоров, историка вынуждены оставаться на уровне предположений, поскольку связанные с ними советские документы по-прежнему не опубликованы и не доступны

для исследователей, в отличие от документов о переговорах военных миссий, протоколы которых не только полностью опубликованы [21. Т. 2. Док. 546–548, 551, 554, 559, 560, 566, 581], но опубликован даже их идеально реализованный сценарий, намеченный Сталиным в инструкции наркому обороны К.Е. Ворошилову [9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 453. С. 584].

Только во второй половине июля Гитлеру стало очевидно, что дипломатии третьего рейха не удалось добиться поставленной им задачи по изоляции Польши путем создания сколько-нибудь серьезных отвлекающих угроз, прежде всего Великобритания на периферии ее империи, т.е. Германия оказалась перед перспективой начать войну в Европе с необеспеченным тылом, не имея ни одного реального союзника [42. С. 71–81]. Тогда как двудеиная сверхзадача заключалась в противоположном: начав войну с Польшей, во что бы то ни стало избежать борьбы на два фронта, т.е. длительной войны со многими противниками, и наносить им поражение поодиночке, добываясь максимальной экономической неуязвимости Германии, не допустить ее блокады.

Не имея возможности решить эту проблему в рамках существовавших в середине лета 1939 г. условий, Гитлер попытался «приспособить условия» к ее решению, а именно: изменить расстановку сил на континенте. Поэтому во второй половине июля 1939 г. он пришел к выводу о необходимости добиться политического соглашения с СССР, обеспечивающего Германии благоприятный нейтралитет и экономическую поддержку в грядущей войне с его стороны. И только тогда Берлин представил свое понимание «политической базы» под советско-германскими отношениями. 2 августа Риббентроп впервые за полтора года своего министерства принял советского дипломата и в ходе состоявшейся беседы без обиняков заявил Астахову: «По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться» [9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 445. С. 568].

Трудно поверить, но то, чего Сталин добивался на протяжении многих лет, обрело мощный импульс из Берлина, попав на заблаговременно подготовленную почву. Получив карты в руки, Сталину оставалось только синхронизировать два важных процесса: во-первых, используя затруднительное положение, в котором оказалось нацистское руководство, так и не решившее проблему изоляции Польши, по возможности затягивать переговоры с Берлином, добываясь максимальных уступок; во-вторых, используя слабые стороны в политике западных держав, исподволь, но неуклонно, с первого же дня трехсторонних переговоров военных миссий в Москве загонять их в тупик, согласно упомянутому сценарию. В итоге оба замысла были успешно реализованы — одни переговоры сорваны, другие увенчались успехом. Так, 23 августа 1939 г. появился на свет советско-германский договор о ненападении [9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 484, 485], отнюдь не служивший делу укрепления мира¹¹, но тем не менее названный спустя год по результатам его реализации «одним из важнейших документов в истории международных отношений нашей эпохи..» [44. С. 1]. И с этой оценкой трудно не согласиться.

Сталин наконец-то осуществил свой давний замысел: добился политического соглашения с нацистской Германией. Более того, он достиг такой

¹¹ М.М. Литвинов прозорливо отмечал еще в 1934 г.: «Двусторонние пакты о ненападении не всегда служат делу мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязать себе руки и обеспечить тыл или фланги для нападения на другие государства» [43. С. 1].

договоренности с Гитлером, о которой не мог ранее и мечтать — разграничения сферы интересов в Европе между двумя тоталитарными режимами, чего в то время советский диктатор ни при каких обстоятельствах не смог бы добиться от западных держав. Отныне и на протяжении почти двух лет не только отношения между Москвой и Берлином, но и вся внешняя политика СССР находилась под огромным влиянием заключенных 23 августа и 28 сентября 1939 г. советско-германских соглашений.

Гитлер, для которого соглашение с СССР, названное им «пактом с сатаной» [45. S. 38], хотя и было вынужденным шагом, не скрывал удовлетворения по поводу достигнутого: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, приведя к серьезному изменению соотношения сил не только на континенте, но и в мире. Как Гитлер оценивал советско-германский договор, видно из его выступления перед руководством Вермахта 23 ноября 1939 г.: «Произошло то, о чем мечтали, начиная с 1870 г., и что фактически считалось невозможным. Впервые в истории нам придется вести борьбу только на одном фронте, другой — в настоящее время не задействован» и «страхуетя немногими дивизиями» [23. Bd. VIII, Dok. 384. S. 347].

Резюмируя исследование советско-германских отношений в 1933–1939 гг., в том числе на основе недавно опубликованных документов, подчеркну, что заинтересованность в улучшении политических отношений между двумя государствами на протяжении всего этого периода исходила от Сталина и его представителей — от наркома Литвинова и председателя Совнаркома Молотова до торгпреда Канделаки. Сделав ставку на Германию, Сталин рассматривал укрепление отношений с ней в качестве решающей гарантии безопасности СССР (так, как он ее понимал) и возможности дальнейшего наращивания военной мощи страны и ее политического влияния на международной арене. При этом его, по-видимому, совершенно не смущало то обстоятельство, что осуществление этих намерений было напрямую связано с военно-экономической, политической, а временами даже идеологической поддержкой агрессивной политики Гитлера. Только однажды, когда Гитлер в преддверии войны с Польшей оказался перед трудноразрешимой задачей — избежать борьбы на два фронта, т.е. во что бы то ни стало не допустить сближения гипотетических союзников, западных держав и СССР, он наконец-то отреагировал на сигналы Москвы. При этом поставленная им задача — заключение договора с СССР — была достигнута менее чем за месяц, будучи лишь тактической уловкой, пойдя на которую фюрер полностью переиграл Сталина на коротком историческом отрезке времени. Поскольку главная цель внешнеполитической программы Гитлера — разгром и завоевание Советского Союза — оставалась неизменной на протяжении всего периода действия этого *de facto* «пакта еще о ненападении» (*Noch-Nichtangriffspakt*) [46. S. 641], то и начало ее осуществления было ускорено, прежде всего, благодаря благоприятной возможности для Германии вести почти два года войну на одном фронте, созданной именно этим соглашением с СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven. / Hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. München, 2014, 2019. Bd. 1–2.
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. *Völkischer Beobachter* vom 3. März 1933, Berliner Ausgabe, S. 1–2.
4. *McMurry D.S.* Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936: Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen. Köln; Wien, 1979.

5. *Altrichter H.* Sowjetische Reaktionen auf die nationalsozialistische Machtübernahme // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2014. Н. 1.
6. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934.
7. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. C. (1933–1937). Bd. I–VI. Göttingen, 1971–1981.
8. СССР – Германия 1933–1941 // Вестник Архива президента Российской Федерации. М., 2009.
9. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1970–1992. Т. XVI–XXII.
10. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001.
11. Der Parteitag der Ehre vom 8. bis 14. September 1936; offizieller Bericht über den Verlauf des Reichsparteitages mit sämtlichen Kongreßreden. München, 1936.
12. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. В.Н. Хаустов и др.; под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003.
13. *Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. М., 1937.
14. Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года. М., 1937.
15. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945: Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. München, 1973.
16. От Версаля до «Барбароссы». Великое противостояние держав. 1920-е – начало 1940-х гг. М., 2017.
17. Die Tagebücher von Joseph Goebbels / Hrsg. von E. Fröhlich. München, 2001. Teil I, Bd.3 / II.
18. *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993.
19. Лубянка. Сталин и Главное Управление госбезопасности НКВД / Сост. В.Н. Хаустов и др.; под ред. А.Н. Яковлева. М., 2004.
20. *Случ С.З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 г.: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 октября 2008 г. / Под ред. Н.С. Лебедевой, М. Волоса. М., 2009.
21. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М. 1990. Т. 1–2.
22. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов в 3 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2011.
23. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. D (1937–1941). Baden-Baden u.a., 1950–1970. Bde. I–XIII.
24. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA).
25. *Völker K.-H.* Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe. Aus den Geheimakten des Reichswehrministeriums 1919–1933 und des Reichsluftfahrtministeriums 1933–1939. Stuttgart, 1968.
26. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA).
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
28. *Лавров А.* Внутреннее бесилие фашистского режима в Германии // Правда. 1938. 22 XI.
29. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М, 1999.
30. *Случ С.З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны (1938–1939) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. / Отв. ред. Б.В. Носов, Ю.Е. Ивонин. М., 2002.
31. *Schnurre K.* Aus einem bewegten Leben: Heiteres und Ernstes. Lebenserinnerungen. Manuskript im PA AA.
32. «Ньюс Кроникл» о советско-германском сближении // Правда. 1939. 31 I.
33. *Besutemski L.* Stalin und Hitler: Das Pokerspiel der Diktatoren. Berlin, 2002.
34. *Гальянов В.* Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4.
35. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 10–21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939.
36. Речь Председателя Совнаркома, наркома иностранных дел СССР Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва // Известия. 1939. 9 I.
37. NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation / Bearb. von K. Peter; hrsg. von H. Bohrmann, G. Toepser-Ziegert. München, 2001. Bd. 7/ 1–3.

38. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
39. Известия. 1939. 51 V.
40. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М., 2008.
41. *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3.
42. *Случ С.З.* Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 году и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006.
43. Значение пактов о взаимопомощи как гарантий безопасности. Беседа Литвинова с французским журналистом Заурвейном // Известия. 1934. 29 VI.
44. Годовщина советско-германского пакта // Правда. 1940. 23 VIII.
45. *Halder F.* Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942 / Bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart, 1962. Bd. 1.
46. *Ahmann R.* Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922–1939: Mit einem Ausblick auf die Renaissance des Nichtangriffsvertrages nach dem Zweiten Weltkrieg. Baden-Baden, 1988.